

Сибири, И. С. Гурвич не делает попыток обелить царизм в этой сфере его деятельности, не скрывает, например того, что одной из причин значительного сокращения численности ряда народов Сибири в XVII—XVIII вв. (коряки, камчадалы) была колониальная политика русского царизма.

К сожалению, И. С. Гурвич не выявил, на наш взгляд, специфику колониальной политики царизма на северо-востоке Сибири, отличавшуюся от этой политики в некоторых других районах Сибири.

Яркие факты, приводимые автором о сравнительно быстрых и глубоких изменениях в этно-культурных особенностях народов вплоть до почти полной смены культуры в результате ее заимствования от других этнических групп, имеют значение далеко выходящее за рамки сибиреведения. Эти наблюдения И. С. Гурвича еще раз напоминают археологам и этнографам о необходимости осторожного и критического отношения к реконструкции исчезнувшей культуры того или другого народа по сохранившимся до наших дней реликтам. Как показывают материалы И. С. Гурвича, эти реликты могут отражать не древнюю культуру данного народа, а сравнительно поздние заимствования.

Вместе с тем вряд ли оправдано то, что во введении к работе не даны пусть даже в самой краткой форме сведения об этнической истории народов северо-востока Сибири до включения этой территории в Русское государство. Это было бы тем более оправдано, что автор в ряде разделов затрагивает проблемы этнической истории некоторых народов Севера до XVII в. В частности, автор приводит интересные собранные им лично данные о древних поселениях оседлых рыболовов на Индигирке (стр. 13), говорит о территории, занятой юкагирами в XV—XVI вв. (стр. 14) и др. Но ни своей точки зрения, ни хотя бы сводки имеющихся воззрений на этнические процессы, происходившие на северо-востоке до прихода русских, автор не дает. Именно это обстоятельство, вероятно, помешало автору четко сформулировать, в чем же было принципиальное различие хода этнической истории на рассматриваемой территории до и после ее включения в состав России. Здесь же во введении следовало бы указать, что процесс сокращения обширного ареала, занятого юкагирами, и уменьшения их численности не начался с приходом русских, а шел весьма интенсивно и задолго до XVII в. Вытеснение юкагиров с занятых ими земель было результатом продвижения тунгусов, которые, будучи оленеводами и владея железом, по уровню хозяйственно-культурного и общественного развития стояли выше юкагиров — неолитических охотников и рыболовов, лишь начинавших осваивать оленеводство и обработку металла. Автор, хотя и считает, что юкагиры до прихода русских знали железо, все же вынужден признать, что они пользовались преимущественно каменными и костяными орудиями (стр. 17).

Работа бы выиграла, если бы в ней специально было рассмотрен вопрос об общественном строе народов Севера к приходу русских. Умело анализируя самые различные факторы, влиявшие на ход этнического развития, автор недостаточно учел, на наш взгляд, взаимосвязь уровня общественного развития отдельных народов и этнических процессов, в особенности в период прихода русских. Несомненно, что наряду с прочими неблагоприятными факторами (эпидемии и др.), на судьбе юкагиров, камчадалов и некоторых других народов сказался их низкий уровень общественного развития по сравнению с соседями.

Жаль, что интересная дискуссия по проблемам этнического состава северо-востока, развернувшаяся на страницах центрального органа советских этнографов², в которой принимал участие и сам автор рецензируемой книги, отражена в ней лишь в примечании (стр. 233, примеч. 2), где даны указания на полемические статьи ученых, выступавших по этому вопросу.

Встречаются (впрочем очень редко) в книге отдельные нечеткие формулировки и неточности. Но здесь нет надобности останавливаться на мелких недостатках, не снижающих в целом высокий научный уровень рецензируемой работы. Хотелось отметить главное — советская наука обогатилась ценным историко-этнографическим исследованием. Труд И. С. Гурвича представит интерес для всех, кто занимается этническими процессами, а исследователям истории и этнографии Сибири даст ответ на многие волнующие их проблемы.

С. И. Вайнштейн

² «Сов. этнография», 1950, № 4; 1951, № 1; 1952, № 2.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965, 280 стр.

Обычное право (адат) в течение многих веков господствовало во всех сферах частного и общественного быта горцев и являлось в Дагестане действующим источником права вплоть до установления Советской власти. Архаичные, консервативные нормы адата, или, как их принято в литературе называть, адаты, сковывали духовную жизнь народа и тормозили рост его самосознания. В то же время они служили верным, хотя и в большинстве своем замаскированным, орудием угнетения народа.

Адаты имеют значение ценных, порой незаменимых источников для изучения прошлого дагестанских народов. Возникшие еще в недрах родового строя и изменившиеся в процессе феодализации горского общества, адаты позволяют воссоздать картину социально-экономической жизни и административного быта. Нормы обычного права дают также возможность осветить многие стороны процесса зарождения форм государственности и развития правовых воззрений и институтов.

На необходимость усиления работы по выявлению и публикации материалов обычного права народов Северного Кавказа уже обращалось внимание¹. Известно, что в прошлом столетии были изданы сборники адатов почти всех округов Дагестана. Они были составлены по заданию русской администрации на Кавказе в 1840—1860 гг. и предназначались для нужд судебной практики, что значительно суживает их значение для изучения социально-экономических отношений. В большинстве дореволюционных записей древние адаты не отграничены от позднейших, не сделана попытка хотя бы приблизительно их датировать.

Все это дает нам основание признать весьма актуальной и ценной публикацию материалов обычного права Дагестана. Составитель рецензируемого труда Х.-М. Хашаев ранее опубликовал два судейника XVII в. — Кодекс Умму-хана аварского (Справедливого) и Гидатлинские адаты². Оба эти памятника уже давно широко используются во многих трудах по истории Дагестана.

Материалы, вошедшие в рецензируемый сборник, снабжены предисловием и примечаниями составителя. Переводы большинства сводов адатов с арабского на русский язык осуществлены известным дагестанским арабистом М. С. Саидовым.

Весьма важным достоинством сборника следует признать то, что вместе с переводами в нем имеются и фотоконии с подлинников. Это предоставляет ученым возможность углубленного текстологического исследования.

Наряду с материалами собственно обычного права, в сборник включены архивные сведения, касающиеся обычного права в широком смысле, употребляемом в русской этнографической литературе. В это широкое понятие входили все общественные формы и отношения, получившие отражение в обычае нормативного характера, пережиточно сохранившемся и действовавшим в условиях классового строя³. Здесь мы находим данные для характеристики различных сторон социально-экономической жизни и политического устройства Акушинского союза сельских обществ Кайтага, союзов сельских обществ и феодальных владений южного Дагестана — Ругула, Ахты, Табасарана, Кюринского ханства.

Привлекают внимание впервые публикуемые адаты о браке и семье аварцев XIX — начала XX в., собранные и записанные в 1946 г. народным поэтом Дагестана Гамзатом Цадаса — знатоком быта народа, его традиций и обычаев.

Большое научное значение имеет «Свод решений Андалальского союза вольных обществ», датируемый Х.-М. Хашаевым предположительно XVII в. Ценность этих материалов определяется прежде всего тем, что союзы так называемых вольных обществ Дагестана изучены недостаточно, особенно в период XVI—XVII вв., вообще мало представленный письменными источниками. Андалальские адаты, характеризующие организацию общинного хозяйственного и административного быта, содержат в то же время много сведений по вопросам классовой борьбы и сохранения независимости от соседних централизованных феодальных образований.

Примерно XVII—XVIII вв. датирует Х.-М. Хашаев адаты келебских селений Аварии. Сельские общества — джамааты, входившие в состав союза вольных обществ и феодальных владений, на протяжении всей истории сохраняли значительную самостоятельность в решении своих внутренних вопросов, что обусловило создание довольно развитых форм самоуправления. Адаты келебских селений содержат много постановлений, определяющих структуру сельской администрации, номенклатуру должностных лиц сельского управления, объем и разграничение их функций. Большое внимание уделяется ответственности за причинение телесных повреждений. Подробно разработанный тариф композиций, характерный для феодального права, представляет несомненный интерес для изучения истории уголовного права народов Дагестана.

В келебских аdataх, равно как и в нормах обычного права Андалала, мы находим сведения о наказуемости приговорительных к преступлению действий, покушения на преступления, об ответственности соучастников и укрывателей преступления, что опровергает широко распространенные взгляды об уровне правового развития дагестанских народов. Многие исследователи, и в том числе М. М. Ковалевский, исходя из своей концепции господства родового быта в Дагестане вплоть до XIX в., считали, что в Дагестане в преступлении видели только вред, нанесенный кровнородственному

¹ В. К. Гарданов, Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в., «Сов. этнография», 1960, № 5, стр. 13.

² Х.-М. Хашаев, Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого), М., 1948; Х.-М. Хашаев, М. С. Саидов, Гидатлинские адаты, Махачкала, 1959.

³ См. М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1962, стр. 231.

коллективу и в соответствии с этим не различали ни стадий, ни соучастников преступления. Большинство исследователей полагало, что преследование преступников является лишь делом потерпевшего или его родственников. Сборник келебских адатов содержит сведения о наказуемости воровства, что также свидетельствует об ошибочности широко распространенных в дореволюционной литературе взглядов, будто воровство у кавказских горцев не считалось преступлением вплоть до XIX в.

Большое познавательное значение имеют решения и адаты Цекубского сельского общества, позволяющие воссоздать быт общины, организацию сельского управления, правовое положение общинника. Все многочисленные адаты Цекубского сельского общества регламентируют поведение людей. Эти адаты, как указывается в тексте, являются основными, а кроме них имелись еще «мелкие адаты», которые исполнялись по усмотрению старейшин.

В Цекубском сельском обществе, как видно из материалов, значительная роль в общественной жизни принадлежала тухумам. Родовые связи и обязанности (например, защиты члена рода) были еще достаточно крепки. Не случайно в Цекубском обществе была установлена юридическая обязанность тухума отвечать своим имуществом за правонарушение одного из своих членов.

Как мы уже отмечали, царской администрацией на Кавказе в свое время были опубликованы сборники адатов округов Дагестана. Исключение составил Андийский округ, адаты которого были подготовлены к изданию в 1910 г., но так и остались в рукописи. Адаты Андийского округа, включавшего современные Гумбетовский, Ботлихский, Цумадинский, Ахвахский и Цунтинский районы, описаны весьма обстоятельно и охватывают широкий круг правоотношений. Эти адаты дают возможность проследить изменения в нормах права и организации суда под влиянием русского законодательства и уголовно-правовой политики царизма.

Представляет большой интерес и сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, в котором, наряду с нормами уголовного права и процесса, включены и нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения, в том числе вопросы семейного и наследственного права. Этот сборник, составленный в Дагестанском народном суде в 60-х годах XIX в., извлечен нами из Грузинского архива и передан Х.-М. Хашаеву, у которого находился список шамхальских адатов на арабском языке, переписанный в 1900 г. в медресе сел. Кумторкала.

И, наконец, надо отметить помещенный в сборнике Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого). Перевод его с арабского на русский язык принадлежит Г. Цадаса. Публикацию этого кодекса XVII в. следует приветствовать, ибо хотя он и был, как уже отмечалось, издан в 1948 г., но успел стать библиографической редкостью.

Таким образом, сборник «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.» вводит в научный оборот много ценных правовых и историко-этнографических материалов и поэтому является весьма полезным источником для изучения обычного права Дагестана.

Нам думается, что учитывая состояние научной разработки обычного права, сборник следовало бы снабдить большим числом примечаний, а в некоторых случаях дать более расширенный комментарий. Необходимо было, на наш взгляд, высказать соображения, на основании которых составителем дана предположительная датировка публикуемых памятников.

В изучении обычного права Дагестана сделаны только первые шаги. Предстоит еще углубленные исследования замечательных историко-правовых памятников XVII в., анализ всей правовой системы горцев, подробное освещение основных понятий и институтов права. Такие исследования будут иметь значение не только для общей истории Дагестана, но и для науки истории государства и права народов СССР.

Высоко оценивая издание сборника «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.», хочется пожелать исследователям и в их числе Х.-М. Хашаеву успешного продолжения полезной и необходимой работы по выявлению и изданию материалов обычного права Дагестана.

А. С. Омаров

НАРОДЫ АФРИКИ

Z. Ligers. *Les Sorko (Bozo) Maîtres du Niger*. Etude ethnographique.

Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1964, т. I—XVI+199 стр., 16 стр. илл., 1966; т. II—XVI+205 стр., 16 стр. илл.

Исследование З. Лигерса — результат более десятилетней работы автора по изучению народа сорко, рыболовов, живущих на берегах р. Нигер в его среднем течении. З. Лигерс имел возможность работать на борту «Манного» — плавучей экспедиционной лаборатории Института Французской Черной Африки¹ — и непосредственно на-

¹ Ныне этот институт входит в состав Дакарского университета под названием Фундаментального Института Черной Африки.